

дерек
джармен

хрома

книга о цвете

Дерек Джармен
Хрома. Книга о цвете

«Ад Маргинем Пресс»

1994

УДК 791.44.08(410) Джармен Д.
ББК 85.374.0

Джармен Д.

Хрома. Книга о цвете / Д. Джармен — «Ад Маргинем Пресс»,
1994

ISBN 978-5-91103-384-2

«Хрома» – размышления о цветовом многообразии знаменитого британского режиссера и художника Дерека Джармена (1942–1994). В этой книге, написанной в 1993 году, за год до смерти, теряющий зрение Джармен использует все ресурсы письма в попытке передать сложный и неуловимый аспект предмета, в отношении которого у него накопился опыт целой жизни. В своем характерном стиле – лирическом соединении классической теории, анекдотичности и поэзии – Джармен проводит читателя сквозь цветовой спектр, представляя каждый цвет олицетворением эмоций, пробуждая воспоминания и сны. Он объясняет использование цвета в изобразительном искусстве – от Средневековья до Ренессанса и модернистов, обращается к великим теоретикам цвета – от Плиния Старшего до Леонардо, пишет о значении цвета в литературе, науке, философии, психологии, религии и алхимии.

УДК 791.44.08(410) Джармен Д.

ББК 85.374.0

ISBN 978-5-91103-384-2

© Джармен Д., 1994
© Ад Маргинем Пресс, 1994

Содержание

От переводчика	6
Хрома	7
Предисловие	8
Белая ложь [4]	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дерек Джармен

Хрома. Книга о цвете

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

© Derek Jarman 1994

© Андропова А., перевод, 2017

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2017

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2017

От переводчика

В оригинальном издании «Хромы» какие-либо комментарии отсутствуют. Таким образом, все комментарии в этой книге принадлежат переводчику. Я сочла необходимым объяснить те искажения, которые вынуждена была внести в перевод (например, из-за использования Джарменом идиом), чтобы дать читателю хоть какую-то возможность представить себе оригинальный замысел автора. Также дана информация о некоторых английских товарах и названиях, найти которую можно лишь в англоязычном интернете.

Авторы переводов цитат, включенных Джарменом в «Хрому», приведены в сносках, в противном случае подразумевается, что перевод мой. У Джармена не все цитаты выделены, некоторые вставлены в текст без кавычек и указания авторства. В этом случае, если существует общеизвестный перевод, я даю сноску с именем переводчика, если перевод выполнен мной – то на указание автора цитаты, иначе едва ли возможно ее найти. Вполне вероятно, что какие-то цитаты остались мною неузнанными.

Джармен несколько раз употребляет в книге слово «квир» (*queer*). Его изначальное значение было «странный», «чуждой», «иной», но в настоящее время оно стало термином для обозначения всего отличного от гетеронормативной модели поведения. Квир-идентичность позволяет одновременно сделать политическое заявление против гетеронормативности и вместе с тем отказаться от традиционной политики категоризации идентичностей. Поэтому для Джармена важно было использовать именно термин «квир», а, например, не «гей». Я сочла возможным оставить его без перевода, поскольку термин уже достаточно распространился в русском языке.

Хрома Книга о цвете

Блестящий, пышный, раскрашенный, пестрый,
Живой, щегольской, уносящий прочь слезы.
Пылкий, сияющий, огненный, яркий,
Кричащий, вопящий, гордый, жаркий,
Сочный, уместный, глубокий и мрачный,
Пастельный, спокойный, тусклый, невзрачный,
Насыщенный, красочный и неприметный,
Призматический, разноцветный,
Калейдоскопический, неоднородный,
Светящийся, крашенный, сумасбродный,
Растворы и краски, лессируешь, трешь
Высокий ключ, цветная ложь¹.
Я посвящаю свою книгу Арлекину,
оборванцу, что знается со всяким сбродом,
в красных, голубых и зеленых заплатках.
Находчивый ловкач в черной маске.
Хамелеон, принимающий любой цвет.
Воздушный акробат, прыгун, танцор,
крутящий сальто. Дитя хаоса.

Пестрый и лукавый
Само непостоянство
Смешливый до кончиков пальцев
Принц воров и мошенников
Глоток свежего воздуха.

Доктор: И как вам удалось попасть на Луну?

Арлекин: Ну... это было вот так...

(Луи Дюшартр. Итальянская комедия)

¹ *Colour lie* (цветная ложь) – может быть аллюзией на выражение *white lies* (белая ложь), означающее невинную ложь, ложь во спасение.

Предисловие

Свернувшись в клубок в кувшине золота на том конце радуги, я размышляю о цвете. Международный синий цвет художника Ива Кляйна. Блюз² и далекая песня. Я знаю, что Альберти, архитектор пятнадцатого века, сказал: «Глаз – самое быстрое, что есть на свете». Быстрый цвет. Нестабильный цвет. Он написал эти слова в книге «О живописи», которую закончил в 8:45 утра в пятницу, 26 августа 1435 года. После чего устроил себе длинные выходные...
(*Леон Батиста Альберти. О живописи*)

Когда Марк, мой редактор, приезжал ко мне в Хижину Перспективы, мы говорили о цвете. О голубом и красном, и о наших прошлогодних изысканиях по поводу Голубого Концерта, который Саймон Тернер в эту самую минуту исполнял перед Золотым Павильоном в Киото, и все это глубоко погрузило меня внутрь спектра. Сейчас Марк уехал. А я сижу в тишине своей новой комнаты, из которой могу видеть электростанцию Дангенесс в сумерках:

Вглядитесь в вашу комнату поздно вечером, когда вы уже больше практически не можете различать цвета, – затем включите свет и нарисуйте то, что вы видели в сумерках. Существуют пейзажи и изображения комнат в полутьме, но как вы можете сравнить цвета на этих картинах с теми, которые вы видели в полутьме? Цвет светится в своем окружении. Так же, как и глаза улыбаются лишь на лице.
(*Людвиг Витгенштейн. Комментарии к цвету*)

Утром я просмотрел указатели своих книг – кто писал о цвете? Цвет встречался в... философии... психиатрии... медицине... еще в искусстве, и эти упоминания эхом звучали сквозь столетия:

В этой связи мы должны кое-что сказать о свете и цвете. Очевидно, что цвет изменяется в зависимости от света, и каждый цвет выглядит по-разному, когда на него падает тень, и помещенный под лучами света. Тень делает цвет тусклым, а свет – чистым и ярким. Темнота проглатывает свет.
(*Альберти. Указ. соч.*)

Ночью я думаю о цвете.
Некоторые сны приходят в цвете.
Свои цветные сны Я ПОМНЮ.

Вот один из них – тридцатилетней давности...

Мне снится фестиваль Гластонбери. Тысячи людей разбили лагерь вокруг безупречно белого дома в классическом стиле, одиноко стоящего на совершенном зеленом газоне. Над парадной дверью, на тимпане нарисован фриз, изображающий добрые деяния владельца. Чей это дом? Мне отвечает один из подвыпивших участников фестиваля: «Дом Сальвадора Дали».

Позднее я смотрел на картины Дали и нашел в них мало цвета.

В детстве я, больной от заплесневелых стен ниссеновского барака³ ВВС, боялся цветов и их изменений. Мой отец поставил на газоне желтую резиновую лодку, наполнил ее из шланга, и, после окончания работы, мы купались в золотой воде. Даже позднее я считал воду желтой

² Название *blues* (блюз) возникло от идиомы *bluedevils* (буквально: синие черти), означающей меланхолию, хандру.

³ Барак из рифленого железа с цементным полом в форме трубы.

и юношей бился над картинами с отражениями, потом пришел период «Модернистов», перед тем как настало время отправиться в Академию.

Я отказался от души и от интуиции в связи с отсутствием необходимости – 19 февраля 1914 года на публичной лекции я отверг разум.

Или вот этот здравый совет...

Только скучные и бессильные художники искренни в своих работах. В искусстве нужна истина, а не искренность.
(Казимир Малевич. *Эссе об искусстве*)

Возможно, мои черные ватермановские чернила выльются в истину.

Химия и романтические названия – марганцевый фиолетовый, лазурный, ультрамарин – и далекие страны, неаполитанский желтый. География цвета, антверпенская синь, сиенская земля. Цвет достигает далеких планет – фиолетовый Марс; называется в честь старых мастеров – коричневый Ван Дейк. Внутренне противоречивая – черная ламповая (сажа).

«Глаза – более надежные свидетели, чем уши», – говорит Гераклит. Хотя в фрагментах, которые сохранились от его работ, нет цвета.
(Кан. *Гераклит*)

В школе, когда я не играл в импрессионистов и постимпрессионистов (копируя цветы Ван Гога и преподнося мои слабые копии мисс Смит, экономке, чтобы подлизаться к ней), я пытался заставить цвета напугать друг друга... На фоне мерцающего черно-белого телевизора. Я сбежал от этого в кино, где цвета были лучше, чем в жизни.

Люди в искусстве – это не люди,
Собаки в искусстве – это собаки,
Трава в искусстве – не трава,
Небо в искусстве – это небо,
Предметы в искусстве – не предметы,
Слова в искусстве – это слова,
Буквы в искусстве – это буквы,
Стиль в искусстве – это стиль,
Послание в искусстве – не послание,
Объяснение в искусстве – не объяснение.

(Эд Рейнхардт. *Калифорния*)

Все цвета пахнут скипидаром и богаты олифой, выжатой с бледно-голубых льняных полей. Местные цвета цветных полей. Крикетная бита опустилась вместе с кистью. Кисть окружена смертью – свиная щетина, белка, соболь, и холсты, изготовленные при помощи клея из кроличьих шкурок.

Я изучал цвета, но не понимал их.

Я собирал маленькие баночки с акварелями, липкие под серебряными обертками, но никогда не открывал их. Алый лак. Черная слоновая кость. Виндзорский синий. Новый гуммигут. Я работал по-взрослому маслом.

По выходным мы ездили в Лондон к Броди и Мидлтоу, продавцам цвета с Ковент-Гарден, производителям дешевых масляных красок в банках. Брауншвейгская зелень – моя дешевая любимица. Киноварь, *très cher mes amis, très cher* эти красные цвета. Да, красный дорого стоил. Цвета на моих холстах были продиктованы ценой. Я смешивал их на стеклянной палитре, цвета, о которых не знали Виндзор и Исаак Ньютон – безымянные цвета...

А некоторые мы называли сами...

ЗЕЛЕНОЕ ГУСИНОЕ ДЕРЬМО или РВОТА.

Что такое чистый цвет?

Если я скажу, что лист бумаги – чисто белый, и затем положу его рядом со снегом, он окажется серым. Но я все равно назвал бы его белым, а не светло-серым.

(Витгенштейн. Указ. соч.)

Где среди всех красных находится истинно красный? Изначальный, первичный цвет, к которому восходят все остальные красные цвета?

Подростковые размышления запутались в студенческих тюбиках георгианских красок (художественные краски были нам не по карма-ну). Я бросил университет и поехал путешествовать автостопом по Греции. Белые острова, чистые голубые стены, белые мраморные фаллосы на Делосе, голубые васильки, запах тимьяна.

Я возвратился в Лондон в кузове грузовика, а когда листья на платанах стали коричневыми и легкий голубой туман окружил угольно-черные церкви, начал изучать живопись в Слейде.

В 1960-е мальчики начали мыть у себя между ног. Помните все эти разговоры о запахе пота?

И вместе с этими мальчиками Лондон смывал с себя патину девятнадцатого века. Между тем господин Лукас смывал многовековую патину с картин в Национальной галерее. Некоторые говорили, что он их полностью перерисовывал. И когда он не развлекался с Содомой, он учил нас, как растирать краски и грунтовать холсты.

Поездка в Корнелиссен на Большой Королевской улице, магазин с двухсотлетней историей, где я покупал краски для собственных картин, банки с пигментами блестят в полутьме, как драгоценности. Марганцевая синь и марганцевый фиолетовый. Синий и фиолетовый ультрамарин и наипрячайший зеленый перманент. Эти краски были опасны для здоровья – черный и алый череп и скрещенные кости, слова «ОПАСНО – НЕ ВДЫХАТЬ».

Мой первый день в Слейде... потерявшись в его утренних коридорах, я жду в одиночестве занятия по рисунку с натуры в огромной студии, в которой внезапно из-за экрана появляется добродушная дама средних лет, в цветастом кимоно, с крашенными хной волосами. Я и не заметил ее, когда вошел. Я смотрю широко раскрытыми глазами, как она сбрасывает с себя цветы и предстает передо мной абсолютно голая – не подобно скромной Венере Боттичелли, как я ожидал, а, скорее, как герцогиня Йоркская. «Ну, дорогой, как ты меня хочешь?»

Заметив мое смущенное молчание, она сказала: «А, художник!» – и приняла позу, приказав мне провести вокруг нее черту голубым мелом. Покраснев, с трясущимися руками, я сделал, как она сказала. Понимаете, я был тогда совсем еще зелен. Тут сэр Уильям Колдстрим, профессор Слейда, появился на балконе, который выходил из его кабинета в студию, посмотреть, что происходит. Я сидел, пытаясь прикрыть свои первые и несовершенные наброски углем от его глаз. Моя жизнь художника началась.

Главным цветом Слейда был серый. Сэр Уильям носил серый костюм. Мой руководитель, Морис Филд, с волосами серо-стального цвета, носил серо-стальной лабораторный халат. Прищурившись сквозь очки в золотой оправе, он говорил: «Я ничего не знаю о современных цветах – но мы можем поговорить о Боннаре». И мы говорили о Боннаре. И едва ли он сказал хоть слово о моих работах. Морис учил сэра Уильяма рисовать медленно, а сэр Уильям учил всех остальных преподавателей рисовать еще медленнее. Но мы были торопливым поколением. В конце концов, в любой момент могли сбросить Бомбу. Поэтому то, как учили в Слейде рисовать модель, со всеми этими серыми контурами и розовыми крестиками, чтобы показать, что вы измерили ее при помощи карандаша в вытянутой руке, рисование атрибутов рисования, не очень меня интересовало. В школе я оставил постимпрессионистов позади и, как ребенок в

кондитерской, хватался за кубизм, супрематизм, сюрреализм, дада (который, как я заметил, не был «изм») и, наконец, за ташизм и живопись действия.

После того как я прошел через современные течения вместе с моими соседями по чердаку Гюты, я стал рисовать стандартные английские пейзажи – и это первая работа, которую я считаю своей собственной. Дар летних дней, проведенных за рисованием в Квантоке, на маленьких аллеях, спускающихся к Бристольскому каналу в Кайлве. Красная глина и темно-зеленые изгороди. Мои незамужние тетушки восхищались моими работами. Я становился все смелее, и рисовал серию полностью розовых интерьеров, бросал их, и начинал снова издеваться над цветами. Мышьяковый зеленый боролся с розовым, пока все они не были поглощены и побеждены монохромным.

Кто оранжевый на свете?
Апельсин, скажут дети.
Ну а красный? В ячмене
Мак подмигивает мне.
Что мы синим назовем?
Ясное небо безоблачным днем.
Ну а белый? По реке
Плывет лебедь вдалеке.
Ну а желтый? Это груша
Или дыня – можно скушать.
Что зеленым назовем?
Луг, траву, цветы на нем.
Что фиолетового цвета?
Облака в сумерках летом.
Ну а розовая? Роза,
Это просто роза!

(Кристина Джорджина Росетти. Что розового цвета?)

Белая ложь⁴

Первый из всех простых цветов – это белый, хотя некоторые и не признают черный и белый цветами, поскольку первый является истоком или приемником всех цветов, а последний лишен их вовсе. Но мы не можем совсем их отбросить, поскольку вся живопись – это взаимодействие света и тени, то есть кьяроскуро, так что белый – первый из цветов, затем желтый, зеленый, синий, красный и, наконец, черный. Можно сказать, что белый представляет свет, без которого нельзя увидеть ни один другой цвет.

(Леонардо да Винчи. Совет художникам)

Праздник в Поттерс-баре в 1906 году. Я до сих пор бережно храню заветную открытку, с которой, будучи подростком, нарисовал несколько картин. Эдвардианские девушки в длинных белых платьях, в шляпах, как абажуры, и с зонтиками в рюшечках приносят дуновение девятнадцатого века. Кем они были? Они выглядят так серьезно под развевающимися флагами. Смотрят в лицо всем превратностям судьбы. Я не знаю, чем меня очаровали эти девушки в белых платьях, гуляющие в парках, на набережных и променадах, гребущие в море в своих юбках, такие, как они изображены на картинах Уилсона Стэра. Белый виток века, вдохновленный, возможно, монохромным портретом «Девушки в белом» Уистлера. Брось банку с краской в лицо публике, и она ее поймает. И вот они снова сидят в саду на белых парковых скамейках, потягивая чай из белого фарфора, подарок из Китая, рассматривают открытку от старшего брата, забравшегося на Монблан. И мечтают о белых свадебных нарядах.

Эти призрачные белые открытки. Когда я смотрю на них сейчас, я думаю, что эти девушки находятся в блаженном неведении относительно той стены смерти, которая всего лишь через пару лет заставит их переодеть праздничные платья, но не изменит их цвет. Они будут медсестрами, пойдут работать на заводы, возможно, станут инженерами или даже авиаторами. Другая сторона этой открытки белая. Под картиной лежит белый грунт.

Белый простирается в прошлое. Был ли белый создан во время Большого взрыва? Был ли сам этот взрыв белым?

В начале был белый. Бог собрал его из разных цветов и хранил это в тайне, пока сэра Исаак Ньютон не провел наблюдения в затемненной комнате в конце семнадцатого столетия:

Экспериментальное доказательство

Белый и все серые цвета между белым и черным могут быть разложены на все цвета, и белизна солнечного света раскладывается на все первичные цвета, смешанные в определенной пропорции. Солнечный свет попадал в темную комнату через маленькую круглую дырку в одном из ставней и затем преломлялся призмой так, чтобы изображение можно было наблюдать на противоположной стене: я держал белый лист бумаги таким образом, что он мог подсвечиваться отраженными оттуда цветными лучами...

(Исаак Ньютон. Оптика)

Если оглянуться назад, можно ли увидеть сквозь призму сэра Исаака Ньютона Озириса, бога Белого Нила, бога воскрешения и возрождения, в белой короне и белых сандалиях, лишенного цвета? Тогда белый был бесцветным, но после Ньютона мы уже не можем так счи-

⁴ *White lies* (белая ложь) – ложь во спасение.

тать. Возможно, об этом говорит нам зеленый скипетр, который Бог держит, словно подснежник, чтобы провозгласить возвращение весны.

Белый – это мертвая середина зимы, чистые и непорочные подснежники, *Galanthus nivalis* (колокольчики Сретения), украшающие церкви 2 февраля, в день празднования Непорочности Девы... но не забирайте эти подснежники домой, они приносят несчастье, вы можете даже умереть: потому что подснежники – это цветы смерти, напоминающие покойника в саване. Белый – это цвет траура, везде, за исключением христианского Запада, где цвет траура черный – но объект траура белый. Вы слышали когда-нибудь о покойнике в черном саване?

Если вертеть разноцветное колесо достаточно быстро, оно покажется белым, но, если смешивать краски, как бы вы ни старались, получится лишь грязно-серый.

То, что в результате смешения всех цветов получается белый, – глупость, которую люди привыкли доверчиво повторять уже сотню лет, вопреки тому, что говорят им органы чувств.

(Иоганн фон Гёте. Теория цвета)

Свет в нашей тьме.

Мандала – результат вращения колеса. И в ней можно увидеть, что боги – белые; столетиями раньше чем святой Иоанн придумал христианский рай, с райской толпой в белом, поклоняющейся Агнцу, греки и римляне отмечали сатурналии – 17 декабря. Меланхоличный Сатурн, как Озирис и грядущий Христос, был белым богом, которого почитали в белом, с небольшой примесью зелени Озириса в пальмовых листьях, которые поклонявшиеся держали в руках. Празднование заканчивалось в день Нового года, когда Консул, в белом и на белом коне, воздавал почести Юпитеру на Капитолии.

Я мечтаю о белом Рождестве⁵. Эта песня могла быть спета только в Калифорнии, рядом с бассейном. Здесь же при первых признаках снега британские железные дороги замирают, пути становятся не-проходимыми, и даже тротуары опасны, потому что соль разъедает обувь. Рождество, роды девы. Белый хлопок. Бороды из ваты. И тотальный обмен ненужными подарками. Барометр настроения падает в область депрессии. Дитя благих намерений, обратившееся в свою противоположность: страх, отвращение, безумные американские проповедники, которые орут на вас. Спаситель, который не спасает ничего, кроме своих собственных иллюзий, и уж точно не белых рождественских индюшек, сваренных заживо после того, как они провели в толпе себе подобных весь год (да, вот уж кто мечтает о белом Рождестве!).

Всему королевству было приказано носить траур по Мумтаз Махал в течение двух лет, и мрачная тишина повисла над Северной Индией. Не было публичных развлечений, музыка, ювелирные украшения, духи, пышные наряды, одежды ярких цветов были запрещены, и каждого, кто осмеливался выразить неуважение к памяти Королевы, казнили. Шах Джехан не показывался на публике, тот самый правитель, который однажды надел мантию, столь плотно усыпанную драгоценностями, что нуждался в поддержке двух слуг, теперь носил простые белые одежды.

(Шатин Саван. Шах Джехан, Тадж-Махал)

У белого огромная покрывающая способность. У семьи, заботящейся о белизне своей репутации, не возникает вопросов о румянце невесты под вуалью.

Чистота белого – не помеха желанию, но оно скрыто под свадебными одеждами. Невеста прячет свое алое и черное сексуальное белье, купленное в Сохо для медового месяца. Белые кружева маскируют ее беременность. Лучший друг жениха, Дэвид, шепчет ему в ухо: «Кончи мне в рот, кончи мне в рот!»

⁵ *White Christmas* («Снежное Рождество») – популярная песня 1940-х.

Одна книга открывает другую⁶. Из слез Сатурна образовалось широкое соленое море. Соль – горькая и печальная. Соляные копи. Соль земли – это ее душа, она драгоценна, хотя вы и бросаете ее щепотку через плечо. Мудрость просоленного морского волка. После того как соль благословляли, ее добавляли в воду для крещения. Христос, соль земли, сохраняющий навечно наши земные тела. В соли заключена чудесная мудрость. Она настолько дорогая, что ее кладут в специальные драгоценные раки на столе для почетных гостей. Святой Хилари сказал: «Пусть мир будет слегка посыпан солью, но не затоплен ей».

Разве не белый заставляет отступить темноту?

(Витгенштейн. Указ. соч.)

В бабушкиной гостиной я играю с мамой в маджонг. Мы строим стены из маленьких кирпичиков цвета слоновой кости. На каминной полке две фигурки из слоновой кости, изображающие Тадж-Махал в миниатюре, траурный мраморный белый. Все античные монументы – призрачно-белые, с греческих и римских статуй время смыло цвета. Поэтому, когда итальянские художники пытались возродить античность, они ваяли обнаженные скульптуры из белого мрамора, хотя на самом деле те скульптуры были разноцветными – кто был самый белый ваятель? Канова? Мертвенно-бледные Купидон и Психея? Три призрачные грации? Духи из античности. Тот мир стал призрачным для художников.

1919. Мир в трауре. Казимир Малевич рисует «Белое на белом». Погребальный обряд для живописи:

Я разорвал кольцо горизонта и вышел за НОЛЬ ФОРМЫ, вписывающийся в систему координат профессионального академического искусства. Я прорвал синий абажур цветных ограничений, вышел в белое. Я победил подкладку цветного неба, сорвал и в образовавшийся мешок вложил цвета и завязал узлом. Плывите! Белая свободная бездна, бесконечность перед нами.

(Малевич. Указ. соч.)

С точки зрения химии краска, которой Казимир рисовал свои знаменитые картины, была старым пигментом. Я сомневаюсь, что он использовал титаниум, который только-только открыли; возможно, он использовал оксид цинка, примерно столетней давности. Но вероятнее всего, он использовал оксид свинца, известный со времен античности, которую он презирал. Все белые пигменты – это оксиды металлов, за исключением грунтовок, таких, как гипс, в основе которых лежит мел. Белый – металлический цвет.

Свинцовые белила. Тонкие пластинки свинца, окисленные в навозной жиже, давали тяжелое белое импасто, на котором балансировали головы натурщиков Рембрандта, свинцовые воротники, жесткие от крахмала и благопристойности.

⁶ Цитата из алхимика Разеса (*ar-Razi*), встречающаяся у К. Г. Юнга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.